

Философское и религиозное измерение гуманитарного движения

По поводу двух философских сочинений

Luc Ferry. L'homme-Dieu ou le sens de la vie. Essai. Editions Bernard Grasset, Paris, 1996, 250 pp.

Люк Ферри. Человекобог или смысл жизни.

Alain Finkielkraut. L'humanité perdue, Essai sur le XXe siècle. Editions du Seuil, Paris, 1996, 174 pp.

Ален Финкелькраут. Утраченная гуманность. Размышления о XX веке.

Гуманитарная деятельность, гуманитарная помощь, гуманитарная этика, гуманитарная стратегия, гуманитарная дипломатия и даже гуманитарная катастрофа (что звучит совсем уж нелепо) — все эти выражения, объединенные словом «гуманитарный», породили в последние годы обильный поток литературы. Юристы, политики, врачи, журналисты, сотрудники неправительственных организаций, теоретики и практики, прибегая к критическому анализу или основываясь на свидетельствах об отдельных случаях, пытались как можно ближе подступить к изучению гуманитарного феномена, с тем чтобы определить его глубинный смысл, сильные стороны, пределы возможностей и тенденции. Некоторые из этих размышлений были отражены и на страницах «Журнала»¹.

Как явление динамически развивающееся гуманитарное движение, судя по всему, приобрело недавно измерение философское и религиозное, о чем свидетельствуют дебаты, которые оно вызвало в лоне церкви, а также посвященные ему дискуссии и исследования философского характера.

Не становится ли гуманитарное движение новой мировой религией? Не вытесняет ли гуманитарная концепция заповеди традиционных вероисповеданий, дабы провозгласить новый закон всемирной любви? Не превратилась ли эта

---

¹ См. рецензии на следующие работы: *Rony Brauman. Le dilemme humanitaire. Entretien avec Philippe Petit (Дилемма гуманитарной деятельности. Беседа с Филиппом Пети).* — МЖКК, № 10, май—июнь 1996, с. 128–131. *Dérives humanitaires: Etats d'urgence et droit d'ingérence (Гуманитарная деятельность: проблемы выбора пути. Чрезвычайное положение и право вмешательства).* — МЖКК, № 3, март—апрель 1995, с. 109–111. *Michèle Mercier. Crimes sans châtimeant. L'action humanitaire en ex-Yougoslavie, 1991–1993.* — RICR, n° 807, mai—juin 1994, pp. 335–337. *Bernard Kouchner. Le malheur des autres, et Xavier Emmanuelli, Les prédateurs de l'action humanitaire.* — RICR, n° 795, mai—juin 1992, pp. 331–333. *Jean-Christophe Rufin. Le piège — Quand l'aide humanitaire remplace la guerre.* — RICR, n° 764, mars—avril 1987, pp. 236–238. *Bernard Kouchner. Charité-Business — l'argent et le rêve.* — RICR, n° 761, septembre—octobre 1986, pp. 314–317.

концепция в единственно возможное средство наполнить жизнь смыслом? Не явится ли гуманитарная деятельность своего рода искуплением грехов века, породившего систему концентрационных лагерей? И наконец, может быть, именно гуманитарное движение, отразив в себе события духовной жизни конца нашего столетия и затронув сферу религиозной этики, проверит истинность предписываемого Андрэ Мальро предсказания: «XXI век будет религиозным или его вообще не будет»?

*
* * *

На эти фундаментальные вопросы и пытается ответить в своей последней работе «Человекобог или смысл жизни» Люк Ферри, автор ряда известных трудов по философии, являющийся в настоящее время председателем Комиссии по разработке программ при министерстве образования Франции. Свои размышления он строит на трех посылах:

- утрата прежнего значения религии на христианском Западе и исчезновение идеологий, поддерживавших духовность в обществе, привели к вытеснению на задний план вопроса о смысле жизни, особенно в нашу эпоху, главными ценностями которой стали выгода, деньги, слава и стремление к материальному благополучию;
- прогресс в развитии светского общества и демократии, наметившийся еще в эпоху Просвещения, влияние таких мыслителей и аналитиков, как Ницше и Вебер, постепенно привели к отрыву от религии, главным образом от ее догм и заповедей, и увенчались созданием системы нравственности на уровне человеческого, согласно которой, «для того чтобы быть честным и милосердным, религия не нужна. Чтобы честно выполнять свой долг, обязательно верить в Бога»¹;
- автор, однако, признает, что ни светская мораль, ни традиционные христианские вероисповедания не способны удовлетворить потребность человека в трансцендентном, в высших идеалах, о чем свидетельствуют появление новых форм духовности, уход в секты, увлечение буддизмом и т. д.

Как же Ферри интерпретирует, основываясь на вышеизложенных послылах, эту тягу к высшему, которую отдельные журналисты определяют как «жажду Бога»²?

По его мнению, человек не может жить без трансцендентного, если он желает наполнить смыслом переживания, связанные с бытием, страданием, смертью, любовью, злом и добром. Но трансцендентное — и вот тут-то обнаруживается новый элемент — не принадлежит более одному только всемогущему Богу, не выводится из откровения, но исходит из самого человека. Современный гуманизм открывает доступ к истинной духовности, присущей человеку изначально и естественным образом. Отталкиваясь от этого утверждения,

¹ *Ferry*, p. 39.

² Название подборки материалов, которую журнал «Le Nouvel Observateur» посвятил этой теме. См. специальный выпуск, n° 28, s. d. [1996].

Ферри развивает тему смысла жизни в современном обществе, рассматривая два аспекта.

Первый связан с процессом, который он называет «очеловечиванием божественного»: за минувшие столетия содержание христианского откровения очеловечилось. По демократической Европе прокатилась мощная волна секуляризации, и католики, например, все чаще стали подвергать строгому критическому анализу наставления папы римского, проповедуя вместе с тем идею приближения церкви к человеку. И хотя для христиан трансцендентное не утратило своего значения, они тем не менее все дальше отходят от традиционных догм, становясь последователями идеологии прав человека.

Этот тезис опровергается папой Иоанном Павлом II. В своей энциклике «Великолепие истины»¹ он настаивает на невозможности какого бы то ни было сомнения в незыблемости и абсолютности религиозного фундамента, на котором зиждется мораль, и провозглашает, что истина устанавливается не человеком, но Божественным законом. Признание свободы совести как единственного критерия истины означало бы отрицание бытия в Божественном откровении, которое наполнено нравственным, а также иным, особым содержанием и носит непреходящий и вселенский характер.

Полностью признавая правомерность папской позиции, Ферри не может принять ее из-за запретов, которые устанавливаются как в самой энциклике, так и в катехизисе католической церкви. Он считает, что свобода совести несовместима с какими бы то ни было запретами, даже если речь идет о христианине. Современная этика не подчиняется более морали долга. Уважение человеческой личности, забота о ближнем, о сохранении его достоинства, сострадание не являются более монополией христианства. Разве обязательно быть верующим, чтобы следовать философии прав человека? Да и не сводится ли ныне вся христианская этика лишь к простому добавлению элемента веры к идеологии прав человека?

Ферри ближе по духу немецкий теолог Ойген Древерманн. Последний в своем сочинении, посвященном новому толкованию Евангелий², пытается очеловечить божественное через примирение религии с психоанализом, гуманизма с духовностью — одним словом, стараясь максимально приблизить религию к людям.

Ферри прослеживает такую же эволюцию и в подходе к проблеме зла. Традиционная церковь убеждена в реальном существовании дьявола. Светские мыслители, в частности Руссо, с этим не согласились и выдвинули идею личной ответственности человека. Современные гуманитарные науки вообще секуляризировали зло: зло как таковое не существует, оно является продуктом системы, среды, социального класса, семьи, оно может быть обусловлено генами и гормонами! Получается, что отныне человек не несет никакой ответственности за зло? Вопрос весьма щекотливый. Трудно все-таки согласиться с тезисом, что человек, который умышленно пытается себе подобных или отдает приказ

¹ La splendeur de la vérité, Lettre encyclique: Veritatis Splendor, Mame/Plon, Paris, 1993.

² Eugen Drewermann. De la naissance des Dieux à la naissance du Christ. Traduction en français. Le Seuil, Paris, 1992.

стереть с лица земли целую деревню, является всего-навсего жертвой системы! Согласно Ферри, если допустить, что человек больше не отвечает за зло, которое он совершает, то уместно ли вообще противопоставлять деяния гуманные, в самом широком смысле этого слова, деяниям, считающимся негуманными? «Если снять с человека ответственность за зло, то тогда он освобождается и от ответственности творить добро?» Тайна свободы? Автор воздерживается от участия в этом вековечном споре, сосредоточенном вокруг тайны зла. Он лишь отмечает, что нравственное добро и возможность проявления зла неразделимы: человек может стремиться к гуманизации зла, прекрасно сознавая при этом, что покончить со злом раз и навсегда человечеству все равно никогда не удастся.

Как же бороться со злом? Обладает ли светская этика достаточной силой для того, чтобы вести эту борьбу? Путь, который указывает нам Ферри, — это путь «обожествления человеческого», оправдывающий и усиливающий желание человека творить добро посредством гуманитарной деятельности.

Второй аспект, рассматриваемый Ферри, касается страстного стремления к утверждению этических ценностей, которое характеризует нашу эпоху и проявляется в создании все большего числа гуманитарных организаций, в их непрестанной борьбе за права человека, против расизма и отчуждения. Этика, воодушевляющая эти организации, всегда неразрывно связана с идеей самопожертвования, автор, однако, показывает, что светская этика развивает идею долга не в смысле самопожертвования во имя Бога, отчизны или какой-либо идеологии, а в смысле самопожертвования, обусловленного «свободным выбором и внутренней необходимостью»¹. Источник самоотверженности содержится в самом человеке, и самопожертвование, которое есть не что иное, как проявление заботы о ближнем, создает необходимый противовес заботе исключительно о себе. Для подкрепления этого тезиса Ферри описывает, как на протяжении веков изменялась концепция любви. Если раньше любовь не мыслилась вне божественного, то впоследствии она очеловечилась, причем настолько, что даже примирила между собой эгоизм и альтруизм. Под влиянием демократического мировоззрения, согласно которому люди по природе своей ничем не отличаются друг от друга, человек не может оставаться безучастным к страданиям ближнего.

Таким образом, по мнению Ферри, гуманитарная деятельность свидетельствует о новом устремлении, которое не смешивается с традиционными формами милосердия. Она выражает потребность в солидарности со всем человечеством, которая усиливается еще и тем, что самобытность и неприкосновенность современного человека все чаще оказываются под угрозой. Говоря об этом, Ферри указывает не только на участвовавшие случаи геноцида, на все возрастающее число вооруженных конфликтов, на эскалацию насилия, но и на серьезную опасность, которую таят в себе генетические манипуляции, способные трансформировать весь человеческий род. Именно поэтому гуманитарные вопросы, касающиеся как верующих, так и атеистов, и стали главным предметом нашей общей озабоченности по поводу нравственного порядка в мире.

---

¹ *Ferry*, p. 122.

Эту мысль разделяет также Ален Финкелькраут, профессор философии Парижской политехнической школы, который, анализируя XX столетие в своем труде «Утраченная гуманность», видит в гуманитарной деятельности один из способов исправить злодеяния века, создавшего систему концентрационных лагерей и превратившего саму идею гуманизма в смертоносное орудие¹.

Нельзя не отметить, что и Ферри, и Финкелькраут упоминают в своих работах Анри Дюнана и движение Красного Креста, ставшее первым великим проявлением гуманитарных устремлений светского общества. Оба автора подчеркивают исключительный размах, который благодаря Красному Кресту приобрела идея универсальности, и особым образом выделяют значение мысли о необходимости беспристрастного отношения к жертвам, кем бы они ни были. Во главу угла новой религии, религии гуманизма, должен быть поставлен человек, и прежде всего — человек беспомощный.

Кроме того, авторов объединяет интерес к вопросу о том, как устранить препятствия, на которые наталкивается универсальное применение принципов гуманности, беспристрастности и нейтральности. Как обеспечить их соблюдение, когда каждый день приходится констатировать углубление пропасти между идеалами и реальными фактами? Слишком большое число бедствий порождает равнодушие, поддерживаемое в обществе искаженным эффектом информационного переизбытка.

Приводя различные примеры, Ферри показывает, что широкое освещение средствами массовой информации актов милосердия стало наиболее симптоматичной характеристикой «общества зрелищ», осуждение которого считается хорошим тоном в политических и даже в гуманитарных кругах. Автор, однако, считает, что освещение средствами массовой информации гуманитарной деятельности дает скорее положительные, нежели отрицательные результаты, хотя бы потому, что позволяет больше узнать о ней и побуждает общественность к действию.

Широко бытует и такое критическое мнение: гуманитарное мировоззрение вызывает скорее к чувству, чем к разуму; оно отдает предпочтение не уму, а сердцу; «Не является ли гуманитарное мировоззрение своего рода фашизмом в мягкой форме?»²

Согласно Ферри, именно в силу того, что гуманитарное движение основывается на Декларации прав человека, которая носит универсальный характер, оно должно принимать во внимание одних только абстрактных жертв, без учета их положения в обществе. Секуляризируя милосердие, оно выводит его за пределы традиционных форм солидарности.

В качестве примера, подтверждающего этот тезис, можно привести международную акцию, которая осуществлялась в Сомали, тогда как никакой солидарности по признаку принадлежности к одному сообществу между жителями этой страны и представителями Запада не существовало. Проведение операции стало возможным именно благодаря давлению со стороны потрясенной собы-

¹ Наши рассуждения относятся главным образом к главе 5 «La réparation humanitaire».

² *Ferry*, p. 195.

тиями общественности, в результате чего, несмотря на медлительность и ошибки армии, были спасены сотни тысяч людей.

Такое же мнение высказывает и Финкелькраут, подчеркивая, что гуманитарная деятельность не проводит различия между раненым «правым» и раненым «левым»: тот, кто спешит на помощь, следует первому порыву, порыву, который исходит из сердца. «Отныне сердце возносится над историей, и чувство вновь обретает свои права»¹.

Если те, кто осуществляет гуманитарную деятельность, считают своим долгом помогать жертвам, не делая между ними какого-либо различия, не должны ли они строго соблюдать нейтральность и в своих отношениях с теми, кто отвечает за конфликты или акты насилия? Финкелькраут отмечает эту двусмысленность в международном гуманитарном праве, которое ущемляет суверенитет государств, но выполнение которого зависит вместе с тем от доброй воли последних. Он вспоминает также, что в 1942 г. МККК предпочел промолчать по поводу нацистских концентрационных лагерей, с тем чтобы не поставить под угрозу свою деятельность в пользу военнопленных. Подходу МККК автор противопоставляет отношение французских врачей, будущих «French doctors», работавших в Биафре в 1968 г., которые нарушили молчание и реализовали «второе Сольферино», провозгласив в своей хартии, что те, кто осуществляет гуманитарную деятельность, должны руководствоваться исключительно интересами жертв и могут, следовательно, сознательно нарушать любые правила, если эти правила используются против человека. По мнению Финкелькраута, провозгласив обязанность и право помогать всем жертвам, независимо от идеологии их притеснителей, врачи Биафры остались верны принципу нейтральности (*sic*). Автор, однако, добавляет, что в нашу эпоху невозможно больше мириться ни с наиболее бесчеловечными актами, совершаемыми во имя государства, ни со злом, творимым во имя высших интересов человечества. Приходится согласиться с утверждением Левинаса: «Оправдание боли моего ближнего есть источник всякой безнравственности»².

И тут мы оказываемся в самом центре дискуссии, которая длится вот уже несколько десятилетий: можно ли одновременно помогать и разоблачать? Можно ли нарушать принцип нейтральности и сохранять при этом доверие к себе? Не возвращаемся ли мы снова к этой вечной путанице между беспристрастностью и нейтральностью?

Ферри напоминает о том, что гуманитарная деятельность критикуется как средство отвлечения граждан от необходимости действовать: будучи направленной на устранение главным образом последствий, а не причин кризисов, она может лишь продлить бедственное положение. На местах государства используют ее для оправдания своего бездействия, как это было в Боснии. Гуманитарные усилия государств, не приносящие ощутимых результатов, причиняют вред гуманитарной деятельности частных учреждений, дискредитируя ее. И если общепринятая логика гуманитарной деятельности предполагает вмешательство,

¹ *Finkelkraut*, p. 126.

² *Lévinas*. «La souffrance inutile». — «Entre nous, Essais sur le Penser-à-l'autre», Grasset, 1991, p. 116, цитируется по: *Finkelkraut*, pp. 125–126.

то не чревата ли эта логика, в применении ко всем конфликтным ситуациям, возвратом к колониализму, да и само вмешательство, которое узаконивается ею, — не является ли оно актом произвола?

Воздерживаясь от категоричных суждений по поводу права вмешательства, Ферри считает недопустимым отказываться от гуманитарной дипломатии в пользу дипломатии традиционной. Было бы ошибкой полагать, что если бы в Боснии, например, гуманитарная деятельность не осуществлялась, вмешательство европейских стран было бы более решительным, и что именно из-за нее они так долго не принимали никаких мер.

Одна из самых больших трудностей, по мнению автора «Человекобога», заключена в решении проблемы отношений между политической и гуманитарной сферами. В плане практическом их смешение было бы абсурдным и вредным. Тенденциозные устремления государств поставили бы под угрозу деятельность и само существование частных учреждений — вот почему, подчеркивает Ферри, «Красный Крест по сей день сохраняет приверженность принципу нейтральности»¹. С другой стороны, полное разделение этих сфер перевело бы политику в плоскость цинизма, а мораль — в область частной инициативы. Необходимо, таким образом, четко определить эти две сферы, ибо «несмотря на то, что гуманитарная деятельность — это не политика, демократическая политика не должна отстраняться от решения гуманитарных проблем»². Поэтому политическим руководителям следует учитывать тот факт, что только гуманитарная деятельность способна противостоять устойчивости крайних проявлений зла: «Сражаться против зла, помогать ближнему в его беде и для этого ехать, рискуя своей жизнью, на край света, туда, где безумие людей позволяет, по крайней мере, хоть на время уйти от серости обыденной жизни. Не потому ли гуманитарная утопия, несмотря на критику, которой она подвергается, по-прежнему сохраняет такую притягательную силу?»³

Присоединяясь к мнению Рони Бромана⁴, Ферри говорит о том, что люди, занимающиеся гуманитарной деятельностью, принадлежат к числу последних баловней современности, ибо им удастся наполнить смыслом свою жизнь.

Нетрудно догадаться, что для автора человек священ, даже обожествлен в некотором смысле. Таким образом, он возносит гуманитарное мировоззрение на уровень религии человекобога. Он создает предпосылки «трансцендентального» гуманизма, светской духовности, которые заменят традиционные вероисповедания и грубый материализм. Человек как носитель священного начала есть альфа и омега этого гуманизма, провозглашающего любовь, особенно любовь к ближнему, главным смыслом жизни.

Что касается Финкелькраута, то он не разделяет идеализма Ферри. Когда люди, занимающиеся гуманитарной деятельностью, оказывают помощь больному или раненому, их совершенно не интересует, кто этот страждущий, как

¹ *Ferry*, p. 201.

² *Ferry*, p. 202.

³ *Ferry*, p. 203.

⁴ *Rony Brauman*. Le dilemme humanitaire. Entretien avec Philippe Petit. Editions Textuel, Paris, 1996, цитируется по: *Ferry*, p. 205.

и зачем он живет, почему подвергается гонениям. Главное — спасти жизни, а остальное — не в счет! Солидарность приобретает форму гигантской материнской опеки, а гуманитарное движение остается при этом в стороне от потрясений и надломов, которые предшествуют катаклизму. И в этом смысле, по мнению автора, гуманитарная деятельность характеризуется упрощенным подходом к решению проблем.

*

Если бы нас попросили высказать критическое суждение по поводу этих двух трудов, то прежде всего мы посчитали бы необходимым подчеркнуть, что поиск смысла жизни, стремление обрести нравственные ориентиры, да и вообще все это бурление идей вокруг вопроса о гуманитарной деятельности суть явления, в основном, западные. По мнению Макса Вебера, истинных жертв «разочарования в мировом порядке» можно обнаружить главным образом на христианском Западе, точнее — среди европейских католиков. Как заметил Жан Даниель, «что-то не видно, чтобы западные мусульмане, турки, марокканцы, эмигранты, евреи, где бы они ни жили, или даже большинство американских протестантов гонялись, охваченные тревогой, за своими утраченными ориентирами»¹. Все, однако, относительно, и не следует поддаваться соблазну обобщений.

Гуманитарное движение, возведенное, по мнению Ферри, в ранг новой религии, отказывается быть каким-либо иным, кроме светского, — что является неизменным условием его универсальности, — и желает оставаться абсолютно нейтральным. Вместе с тем оно неразрывно связано с гуманизмом, считающим любовь священной, и в этом отношении приближается к идее христианской любви. Сам Ферри признает, что современный гуманизм черпает свои силы в идеале христианской любви. Отсюда следует, что этот по-новому осмысленный гуманизм не полностью отличается от идеалов, которые на протяжении тысячелетий провозглашались великими мировыми религиями. Не есть ли гуманитарный идеал Ферри все тот же христианский идеал, но только освобожденный от догм, запретов и требований и поэтому, в силу своей большей доступности, легче поддающийся популяризации? Возникает и другой вопрос: может ли светская духовность, которая основана на концепции прав человека, получить всеобщее признание, если сами эти права, как известно, постоянно подвергаются всякого рода толкованиям, искажаются или просто не соблюдаются? И наконец, когда христианские идеи солидарности и братства приобретут светский характер, как они будут восприниматься другими мировыми культурами и религиями?

И Финкелькраут, и Ферри видят заслугу гуманитарного движения в том, что оно разоблачило скандал и реабилитировало жертву. Первого, однако, смущает, что гуманитарное движение ограничивается оказанием помощи жертвам и не интересуется причинами и последствиями бедствий. По его словам, для

¹ Jean Daniel. «Le seul bagage qui vaille...», Le Nouvel Observateur, *op. cit.* (сноска 2, с. 101), p. 3.

того чтобы гуманитарное движение могло действовать, ему нужна кровь, оно питается людским несчастьем, и это явление автор называет «эмоциональным отстранением от горя»¹. Такое утверждение представляется нам слишком категоричным и даже неточным. Ферри же, напротив, прекрасно понимает, что помощь не может быть направлена лишь на облегчение страданий в условиях чрезвычайных ситуаций, но что она должна также способствовать устранению причин таких ситуаций и исправлять их трагические последствия, или уж во всяком случае предусматривать долгосрочные меры, которые позволили бы обеспечить реабилитацию жертв и последующее развитие общества.

В этом направлении вот уже на протяжении нескольких десятилетий работают многие международные правительственные и неправительственные организации, к которым можно отнести и Международный Красный Крест, и мы знаем о том, что для ситуаций до, во время и после конфликта были разработаны соответствующие превентивные механизмы. И хотя действуют они с разной степенью эффективности, нельзя не признать, что в целом ряде случаев координация усилий между различными заинтересованными учреждениями, между теми, кто принимает решения, и теми, кто их исполняет, все же принесла свои плоды.

Эти аргументы представляются вполне убедительными, но они не позволяют разрешить проблему отношений между политической и гуманитарной сферами. Финкелькраут пытается пояснить, что он понимает под упрощающим подходом гуманитарной деятельности. По его мнению, гуманитарная деятельность снимает с политики ответственность, позволяя ей «в нарциссическом стремлении оказывать помощь отбросить в сторону сложный вопрос: как содействовать тому[...], чтобы мир стал приемлемым местом обитания для таких одинаковых и в то же время таких разных существ, которые составляют человеческий род»².

Кто же в ответе? Политика, которая, проявляя слабость и совершая ошибки, переложилась свою ответственность на гуманитарное движение и тем самым косвенно способствовала его развитию, не без помощи, правда, средств массовой информации? Или все-таки гуманитарное движение, которое способно лишь с грехом пополам заделывать пробоины, — в частности, из-за нехватки средств, — но в котором подчас желают видеть единственный способ решения важнейших проблем нашего времени? Как, следуя настоятельной рекомендации Ферри, связать друг с другом политическое и гуманитарное? И кто лучше вооружен, чтобы взять на себя инициативу в области гуманитарной деятельности, — частный или государственный сектор?

Многие вопросы, причем самые что ни на есть насущные для будущего гуманитарного движения, так и остаются без ответа. Закат влиятельных идеологий, нарушение равновесия между великими державами — может быть, этим и объясняются сбои в жизнедеятельности международного сообщества. И все же как убедить себя, сохраняя при этом здравый смысл, в том, что гуманитарное

¹ *Finkelkraut*, p. 134.

² *Finkelkraut*, p. 136.

движение, вознесенное на уровень религии любви, только оно одно способно примирить антагонизмы, исправить недостатки, развеять сомнения, утолить испытываемую народами тревогу, раздавить зло?

А пока, как сказал Кундера, «человек — это тот, кто бредет в тумане»¹.

В этих двух блистательных сочинениях, о которых мы только что говорили, ставятся фундаментальные вопросы о природе и будущем гуманитарного движения. Содержащиеся в них выводы — утопические у Ферри и пессимистические у Финкелькраута — так и не дают ответов на многие из поставленных вопросов, а некоторые утверждения авторов не всегда звучат убедительно. Тем не менее в своих трудах они вышли далеко за пределы того, что было написано до сих пор на эту обширную тему, и в этом их большая заслуга. Их мысли и взгляды не могут не стимулировать непрерывных размышлений о смысле жизни, о проблеме зла, о будущем гуманитарного движения, и уж во всяком случае они напоминают нам о необходимости делать все возможное для того, чтобы подготовить гуманитарную деятельность к вихрям третьего тысячелетия.

Жак Меран,
бывший главный редактор
«Международного журнала Красного Креста»

---

¹ *Milan Kundera. Les testaments trahis. Gallimard, Paris, 1993, p. 279, цитируется по: Finkielkraut, p. 134.*